

интересны сопоставления переводов на узбекский язык «Қалилы и Димны», осуществленных переводчиками Мулла Мухамедом Тимуром и Қары Фазлуллахом Алмаи.

Сведения автора о хорезмской школе перевода, о деятельности таких ее представителей, как Агахи, Камиль Хорезми, Табиби, Санои, Хабиби и т. д. (всего 82 человека), являются совершенно новыми в истории перевода. Всего в книге упоминаются имена 286 переводчиков, рассматриваются биографии и творчество наиболее выдающихся из них.

В книге есть специальная глава — «Некоторые теоретические вопросы истории перевода», — в которой автор ставит вопрос о способах передачи стиля оригинала, приводит новые слова, вошедшие в узбекский язык через перевод, говорит о роли и месте синонимов, о переводе пословиц и поговорок.

Следует, однако, отметить, что вследствие обилия фактического материала и охвата большого периода истории автор не всегда в своем исследовании шел вглубь... Недостаточно раскрыты и обоснованы художественно-лингвистические принципы, приемы, методы и традиции в технике перевода тех лет. Не освещены характерные стили разных переводческих школ, направлений и течений, несомненно существовавших в те вре-

мена. Вне авторского внимания остались вопросы периодизации: не выделены основные этапы развития перевода.

В монографии встречаются и некоторые спорные положения. Например, на стр. 59—64, наряду с ценными сведениями о переводческом мастерстве гениального поэта, ученого и мыслителя Алишера Навои, встречается утверждение о том, что «Лисонут-тайр» Алишера Навои является переводом «Мантукут-тайра» Фаридиддина Аттара. Однако и по своей идейно-философской концепции, и по своей архитектонике эти два произведения совершенно различны: из 63 рассказов «Лисонут-тайра» лишь 12 имеют схожий сюжет с «Мантукут-тайром». Наши литературоведы давно пришли к выводу об оригинальности произведения Алишера Навои.

Дж. Шарипов впервые в нашей республике дал научное обобщение истории перевода, смело взялся за разрешение многих проблем и в основном справился с этой задачей. Его книга принесет большую пользу научным работникам, исследующим различные области истории науки и культуры, переводчикам и журналистам.

С. ИБРАГИМОВ, Т. БАБАЕВ

г. Ташкент

МЫСЛИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Имя литературного критика, ученого и журналиста, издателя популярного в свое время «Научного обозрения» Михаила Михайловича Филиппова, активно действовавшего на рубеже XIX и XX столетий, было

долгое время прочно забыто. В академической двухтомной «Истории русской критики», вышедшей в конце 50-х годов и охватившей значительный круг литературно-критических имен, фамилия М. Филиппова даже не упомянута.

Работы М. Филиппова возврати-

* М. М. Филиппов, Мысли о русской литературе, «Наука», М. 1965, 367 стр.

лись к своей второй жизни лишь в наши дни. В 1960 году появилась монография об ученом, написанная его сыном Борисом Филипповым. Затем была издана книга М. Филиппова «Этюды прошлого», сопровождаемая предисловием академика С. Струмилина. И, наконец, в прошлом году издательство «Наука» выпустило довольно объемистый том литературоведческих и критических статей М. Филиппова — «Мысли о русской литературе». Том открывается предисловием Д. Благого и завершается мемуарным послесловием составителя сборника Б. Филиппова, а также статьей и обстоятельным научным комментарием Ю. Манна.

Сборник включает в себя главы из большой книги М. Филиппова «Судьбы русской философии», посвященные философским и эстетическим взглядам Белинского. Воспроизведена в книге статья о Добролюбова. Литературоведческие статьи вводят читателя в атмосферу горячих полемических споров о поэзии Некрасова, о романе Льва Толстого «Воскресение», а также о творчестве молодого Максима Горького.

Попутно необходимо сделать уточнение. В сопроводительной статье в книге цитируется отзыв Л. Андреева о Филиппове. В настоящее время в связи с выходом тома «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка» («Литературное наследство», т. 72) стало известно, что Л. Андреев имел в виду не М. М. Филиппова, как это считалось прежде, а однофамильца критика — А. Ф. Филиппова.

Конечно, далеко не все оценки, которые давал М. Филиппов литературным явлениям, сохранили для наших дней свою притягательную силу. Литературоведческая наука не стояла на месте, и многое из того, что пи-

сал в свое время критик, в наши дни имеет значение лишь ступеньки для восхождения к современности. Но для истории русской критики прогрессивное научное значение работ М. Филиппова несомненно.

Рассматривая философские взгляды Белинского, исследователь внимательно изучает мучительный и сложный период в жизни великого критика, известный под названием «примирения с действительностью»; в эти годы, по мнению М. Филиппова, напряженно ищущая мысль Белинского органично усваивала гегелевскую диалектику. Эволюция взглядов критика рассматривается М. Филипповым не изолированно от движения всей общественной мысли, а в естественной и неразрывной связи с европейской и русской философией, с ее новейшими достижениями.

Любопытны наблюдения М. Филиппова над психологией творчества критика, над спецификой литературно-критического мышления. В частности, М. Филиппов замечает: «...критический талант может совершенствоваться от упражнения, для своего развития он требует знаний, обширной начитанности; но не было еще примера, чтобы этот талант приобретался выучкой. Каждому из нас известны имена критиков, умерших и здравствующих, о которых можно сказать, что при всех своих литературных, а порой и научных знаниях, они не могли быть «законодателями эстетики» по той простой причине, что отличаются поразительным безвкусием». И М. Филиппов ревностно отстаивает в своем труде мысль о том, что критиком, как и поэтом, надо родиться.

Известно, что в конце прошлого века, да и позднее, предпринимались попытки ревизовать эстетические теории революционных демократов, объ-

явить их устаревшими, подменить материалистическое миросозерцание Белинского, Чернышевского, Добролюбова различными идеалистическими и мистическими теориями. Яростно, темпераментно выступал М. Филиппов против упреков, которые

«с грошово-либеральной точки зрения» высказывались, например, по адресу Добролюбова.

В заключение хочется отметить изящество стиля критика, его умение о сложных явлениях литературы говорить просто и взволнованно.

О. ЕВГЕНЬЕВ

РОМАНТИКА ПОДВИГА*

Имя Ефрема Каранфилова как литературного критика прочно вошло в болгарскую культурную жизнь в последние десять лет. После первой работы «Разбор романа «За свободу» Стефана Дичева» (1955) почти каждый год он выпускает по новой книге. Так, появились одна за другой «Солдат в строю и в литературе», «Поэзия в прозе», «Андрей Гуляшки», «Языковой шаблон в литературе», «Тени прошлого», «Современность и мастерство», «Герои и характеры», «Мечтатели» и их продолжение «Рождение подвига», «Болгарские поэты». В связи с 50-летием критика (1965) был выпущен том его избранных литературно-критических статей.

Е. Каранфилов уже знаком советскому читателю: его некоторые статьи, переведенные на русский язык, публиковались в советской периодической печати.

Этого критика прежде всего привлекают проблемы, связанные с героическим в литературе. Главная его цель, по собственному признанию, — создать широкую галерею «любимых героев литературы», болгарской и иностранной. Поэтому он с особой любовью разрабатывает тему солдатского подвига в произведениях болгарских писателей. Отсюда же его

пристальный интерес к «героям-мечтателям»: Дон Кихоту, Жюльену Сорелю, полковнику Шаберу. В русской и советской литературе его привлекают образы тургеневского Рудина, штабс-капитана Михайлова у Льва Толстого, дьякона Олимпия у Куприна, горьковского Сокола. Из современных западных прозаиков его больше всего занимает творчество Антуана де Сент-Экзюпери и Томаса Манна. Как выразился сам критик, для него это «не только проблемы литературы, но кровные проблемы жизни, прошлого и будущего».

Е. Каранфилов утверждает органическую связь прогрессивного романтизма с гуманизмом, с мечтой о счастье, неистребимой любовью к красоте жизни. Во вступительном слове к первой книге «Героев и характеров» говорится: «В каждом подвиге есть романтика. В героизме всегда присутствует мечта».

Исследуя черты социалистического общества, критик приходит к выводу, что «романтика подвига» вытекает из самой действительности, что именно от героизма «исходит настоящая романтика нашей жизни и нашей литературы». Наоборот, «антигероика легко переходит в мещанство». Критик верно пишет о том, что героизм принимает все более массовый характер: «Чем больше простых людей совершает великие

* Е. Каранфилов, Български поети. Литературно-критически статии, Пловдив, 1965, 142 стр.